

сравненно дешевле. Товарищъ названнаго нѣмца Ягана Эгерца, нѣкто Георгъ Гроссъ (тоже „иноземець, мѣднаго дѣла мастеръ“), получилъ 90 рублей „за сдѣланіе ко гробу восьми скобокъ, а подъ ними бляхи, и за бляхи-жъ въ головѣ съ гербомъ, а въ ноги съ написаніемъ его сіятельства ранга“.

Впрочемъ, смерть Ушакова доставила нѣкоторую выгоду не однимъ только петербургскимъ нѣмцамъ. Благодаря ей, нѣсколько коренныхъ русскихъ людей также успѣли нажить копѣйку. Такъ, напримѣръ, оброчный крестьянинъ Костромскаго уѣзда, Конюшенской дворцовой волости, села Даниловскаго, (нынѣ—Даниловъ, уѣздный городъ Ярославской губерніи) Алексѣй Осиповъ получилъ за купленные у него восковыя похоронныя свѣчи 61 руб. 42¹/₂ коп. Серебряная парча на двѣ ризы, назначенная въ церковь, „въ поминки по его сіятельствѣ“, стоила 120 рублей. Въ похоронной процессіи участвовало множество духовныхъ персонъ, и каждая изъ нихъ получила приличное своему сану вознагражденіе. Между прочимъ, с.-петербургскій пресвященный Θεодосій и Митрофанъ, архіепископъ тверской, получили каждый по 15 рублей. Вятскій же епископъ заработалъ отъ похоронъ гр. Ушакова только 8 рублей. Архимандритъ (впослѣдствіи знаменитый митрополитъ московскій) Платонъ оцѣненъ былъ на 1 рубль дешевле вятскаго владыки, т. е. его наградили за похороны семью рублями; но архимандритъ Соловецкаго монастыря Геннадій долженъ былъ удовольствоваться лишь 6-ю рублями; ту же сумму выдали архимандриту Спасо-Казанскаго монастыря Веніамину. Протопопы получили по 2 рубля, помы по 1 рублю, дьяконы по 50 коп. Причты церковные награждены разно: отъ 50 коп. до 2 руб. на причтъ. Изрядный взносъ послѣдовалъ въ Александро-Невскій монастырь, именно 100 рублей, которые были раздѣлены между тридцатью іеромонахами, четырнадцатью іеродьяконами и одиннадцатью монахами. Пѣвчіе новгородскаго и с.-петербургскаго пресвященнаго „выпѣли“ 10 рублей. На „содержаніе стола для духовныхъ персонъ“ потребовалось 100 рублей; за чтеніе надъ „его сіятельства гробомъ денно и ноцно“ выдано 44 руб.; а на годовой сорокоустъ—150 рублей. Всего курьезнѣе, что при этихъ торжественныхъ похоронахъ прибѣгли къ католикамъ: изъ петербургскаго католическаго костела, названнаго въ этомъ документѣ „киркою“, позанимствованы были „на прокатъ“, за 5 рублей, семь посеребренныхъ подсвѣчниковъ. Взяты были, также на прокатъ, нѣкоторыя похоронныя принадлежности, какъ-то: черныя попоны для лошадей, черныя эпанчи и проч., изъ Александро-Невскаго монастыря—за 20 рублей.

Вообще „его высокографское сіятельство“, графъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, вызвалъ своею кончиной расходъ изъ русской казны въ 2,514 рублей 70¹/₂ коп. Вѣроятно, во время оно не дороже стоили испанскому правительству похороны великихъ инквизиторовъ, дѣятельность коихъ напоминалъ собою въ Россіи гр. Ушаковъ.

Сообщено Л. Н. Трефоловскимъ.

Какъ прежде обращали раскольниковъ въ православіе — домашними средствами.

Въ 1848 году, въ концѣ зимы, по дѣламъ службы, я пріѣхалъ въ гор. Тамбовъ, гдѣ тогда былъ губернаторомъ Петръ Алексѣевичъ Бугаковъ, одинъ изъ честнѣйшихъ, дѣятельныхъ администраторовъ.

6-го декабря, по случаѣ тезоименитства государя императора, у губернатора былъ парадный обѣдъ, на который былъ приглашенъ и я. Между разговорами во время обѣда, преосвященный сказалъ, „что теперь съ правилами, преподаваемыми синодомъ, трудно обращать въ православіе раскольниковъ,—(прежде консисторіи предоставлялось вызывать раскольниковъ для увѣщанія, но сроковъ не было опредѣлено — и тогда консисторія вызывала богатыхъ раскольниковъ, выбирая самую торговую пору, и назначала 500 и даже 1.000 и болѣе рублей выкупа, и пока раскольникъ не внесетъ требуемое, до тѣхъ поръ его все держали для увѣщанія въ консисторіи. Впослѣдствіи на таковыя притѣсненія жаловались синоду, который и приказалъ — болѣе 7 дней раскольниковъ не задерживать, что было ударомъ для консисторіи),—и вотъ въ настоящемъ году мы обратили въ православіе всего трехъ раскольниковъ“.

На это сѣтованіе преосвященнаго вдругъ послышался съ другаго конца стола, тоненькій, визгливый голосъ полковника, командира баталіона внутренней стражи.

— А я былъ счастливѣе вашего преосвященства: я въ 10 лѣтъ, команду баталіономъ, успѣлъ обратить въ православіе до 200 раскольниковъ!

— Это очень интересно, господинъ полковникъ, отвѣчалъ архіерей,—расскажите, какимъ это средствомъ?

— Мы, ваше преосвященство, люди военные и не имѣемъ времени для увѣщаній, — это все равно, что воду толочь; а я употреблялъ домашнія средства. Вотъ, на примѣръ, послѣ набора приводятъ ко мнѣ партію рекрутъ, я сейчасъ говорю—раскольники, впередъ! выйдетъ иногда человекъ 5 — 6 и даже до 20; я и спрашиваю—что братцы, вы раскольники? „Точно такъ, ваше высокоблагородіе“.—„Ну ладно. Максимовъ! (фельдфебель—крещенный изъ евреевъ) съ завтрашняго дня представляй мнѣ по одному изъ этихъ раскольниковъ“. На слѣдующее утро является Максимовъ и приводитъ одного раскольника — я и говорю ему: „Ну что, любезный, ты православный?“—„Никакъ нѣтъ—раскольникъ!“ — „Ну, хорошо. Максимовъ, дай ему 250 розогъ“. На слѣдующій день другому очередному то же самое. Наконецъ приходитъ опять первая очередь.—„Ну, что любезный, спрашиваю—ты православный?“ „Никакъ нѣтъ—раскольникъ“.—„Ну, хорошо, дай ему 500“. Такимъ образомъ, очередь снова доходила до перваго.—„Ну что, любезный, ты православный?“—„Точно такъ, ваше высокоблагородіе“.—„Православный—ну, хорошо, отвести его къ священнику, и когда отвѣдетъ, представить ко мнѣ“. Является вновь обращенный.—„Ну что, милый, православный?“—„Имѣлъ счастье, ваше высокоблагородіе, приобщиться святыхъ тайнъ“.—„Ну, поздравляю, вотъ тебѣ рубль и дать чарку водки“. Но одинъ, ваше преосвященство, былъ очень упрямый раскольникъ, такъ что, когда ему дали 750 розогъ, онъ пролежалъ въ больницѣ съ мѣсяцъ. Опять приводятъ его ко мнѣ.—„Ну что, любезный, ты православный?“—„Никакъ нѣтъ ваше высокоблагородіе“.—„Ну, двѣать нечего; дай ему 1.000“. Ну, послѣ этого онъ пролежалъ мѣсяца два, наконецъ опять его ко мнѣ приводятъ, я со страхомъ спрашиваю:—„Ну что, милый, ты православный?“ Къ моему счастью, говоритъ—православный. Я такъ обрадовался, что далъ ему 5 руб.: и двѣ чарки водки. Вотъ такими домашними средствами я, ваше преосвященство, обратилъ до 200 раскольниковъ въ православіе и за такое усердіе къ службѣ удостоился высочайшей награды,—получилъ Анну на шею. И что удивительно—это то, что ни одинъ изъ обращенныхъ мною не возвратился въ расколъ! Ахъ, виновать, ваше преосвященство—разъ мнѣ докладываетъ фельдфебель, что одинъ солдатикъ, который по-

лучилъ 750 розогъ—обращенный въ православіе, уже другой годъ не былъ у причастія; я сейчасъ его къ себѣ; спрашиваю: „Правда ли, что ты два года не говѣлъ?“—„Виновать, ваше высокоблагородіе, правда; я былъ въ отпуску и родныя меня уговорили отъ православія“.—„Ну, хорошо, милый. Максимовъ, дай ему 1.000“. Послѣ мѣсячнаго лежанія въ госпиталѣ, этотъ отщепенецъ и домой уже не ходилъ и сдѣлался самымъ усерднымъ православнымъ.

— Что же, полковникъ, вамъ эти средства были указаны начальствомъ?

— Никакъ нѣтъ—это я лично самъ выдумалъ, по усердію къ православной церкви.

— Ну, намъ эти средства не пригодны, замѣтилъ архіерей.

Можно судить, какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ присутствующихъ рассказъ полковника.

Сообщено Г. В. Ч.

